

из-за недостатка зрения наклонялся иногда над текстом и сколько угодно мог свободно говорить перед аудиторией, не сбиваясь, не впадая в многословие и повторы. Словом, все шло от личности крупной, самобытной, неповторимой. Самый его «виолончельный» баритон входил в общее очарование речи.

В душе Благого всегда билась благородная гражданская, патриотическая жилка. Сохранилась фотография: Д. Д. Благой и Н. К. Гудзий, во фронтовых полушубках, выступают со «словами» о Пушкине перед солдатами и офицерами на окопных позициях. Это фото не раз экспонировалось и попало в ряд изданий. В 1944 г., когда советские войска, изгоняя фашистов, приблизились к Пскову и Пушкиногорью, оба профессора по путевкам Союза писателей посетили Второй Прибалтийский фронт и вдохновляли своими выступлениями бойцов. Поездка была небезопасная: Благой сам рассказывал, как самолет их долго не мог выбросить шасси и приземлиться, подверглся вражескому обстрелу.

В пушкиноведение Д. Д. Благой вошел с середины 20-х годов с благословения А. В. Луначарского. Именно «нарком» представил его в 1927 г. московской аудитории, перед которой Благой сделал свой доклад «О классовом сознании Пушкина». В 1929 г. появилась монография Благого «Социология творчества Пушкина», через два года вышедшая вторым изданием. Книга — эпохальная. О ней много писали, с автором горячо спорили.

Для тогдашнего пушкиноведения «социология творчества Пушкина» была полным новшеством. Нельзя сказать — неожиданным, наоборот, закономерным распространением и на область изучения Пушкина восторжествовавшего тогда во всем литературоведении социологического подхода. Такой подход навязывался официальными властями, насаждался в школе, в вузах, в искусстве, в науке. Казался он благоприобретением революционной эпохи, новым словом советской методологии. Многие ученые искренне повсрили в продуктивность исходных предпосылок социологического метода. Благим и была сделана попытка объяснить сложное мироощущение Пушкина как человека и поэта его принадлежность к «шестисотлетнему» дворянству. До этого пушкиноведение занималось биографическими мелочами, текстологическими, комментаторскими уточнениями и накопило в этой области громадный опыт. Все это было, конечно, чрезвычайно важным научным благоприобретением. И без этих «мелочей» немислимо пушкиноведение. На этой почве выросли крупнейшие пушкинисты: А. М. Венгеров, Б. Л. Модзалевский, М. А. Цявловский. Традиция шла от П. В. Анненкова, П. И. Бартенева. Она продолжается и сейчас. И все же после В. Г. Белинского не было настоящих попыток синтетического рассмотрения общего пафоса творчества Пушкина.

Конечно, на монографии Благого лежала печать вульгарной социологии того времени, прямолинейного прагматизма. Само понятие социального бытия было обужено, сводилось к сословному происхождению. За «шестисотлетним дворянством» скрадывалась народность, всечеловечность Пушкина, его духовные связи со всей русской и мировой культурой. Генезис многих мотивов его поэзии получал слишком бедное, утилитарное объяснение. Но было бы неверно выдавать книгу Благого за образец вульгарного социологизма. Широкий исторический фон книги Благого, много конкретного материала в основном тексте и в специальных примечаниях в конце книги, библиографических указаний, позволявших читателю судить об «издержках» метода Благого и чувствовать направление, по которому следует искать объективную истину. Монография Благого выгодно отличалась своим добротным академизмом от многих тогдашних социологических работ о русских классиках. Благой пересматривал свои взгляды, совершенствовался, отказывался от того, что носило печать упрощенчества. Но до конца жизни он считал, что усовершенствованный социологический подход к Пушкину возможен и необходим как составная часть подлинно исторического подхода. Вспомним, что социологическая тенденция ярко проявилась и в трудах П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», «Пушкин и мужики», положивших начало социально-историческому изучению биографии и мировоззрения Пушкина.